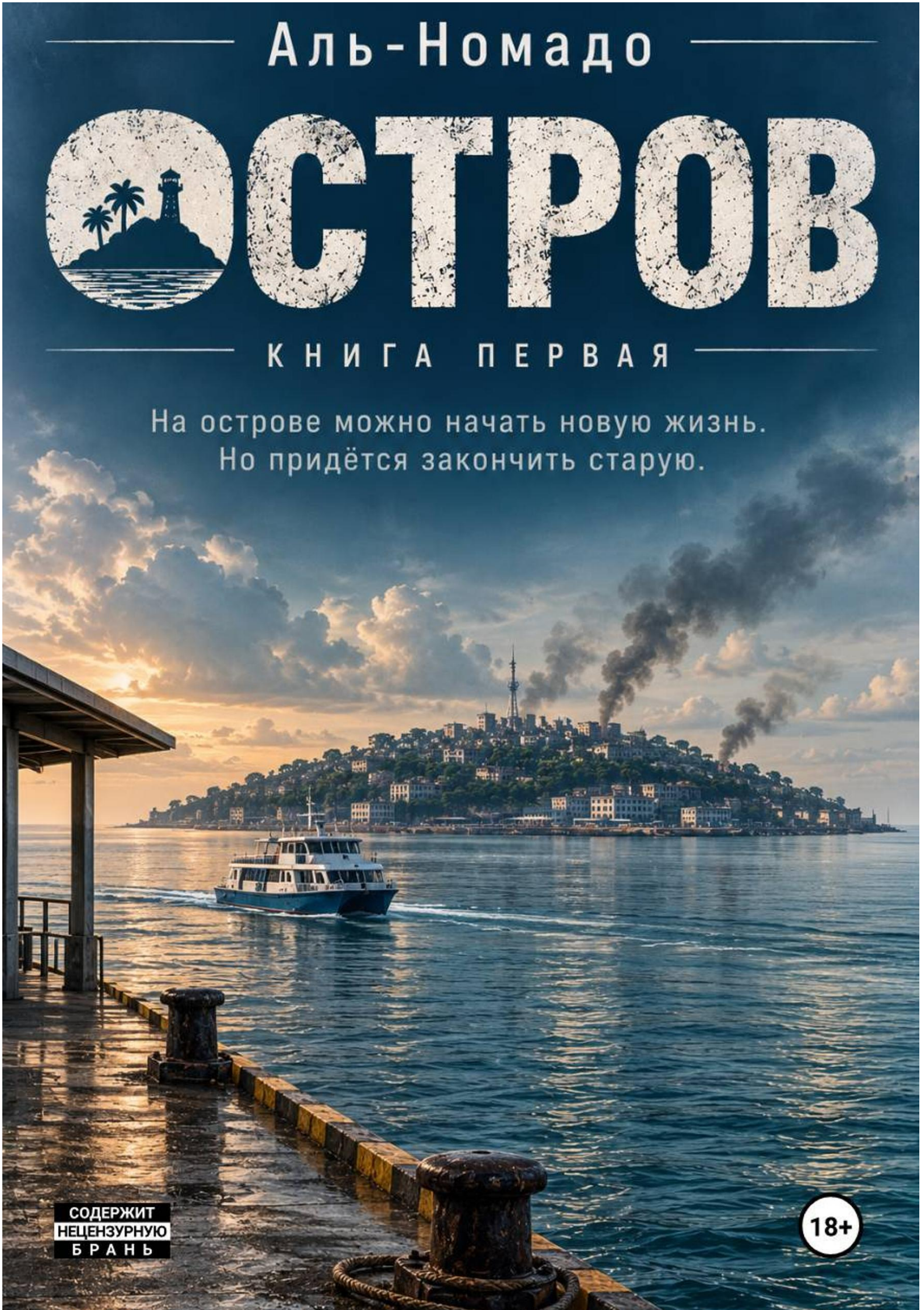
Аль-Номадо

ОСТРОВ

КНИГА ПЕРВАЯ

На острове можно начать новую жизнь.
Но придётся закончить старую.

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Аль-Номадо

Остров

«Автор»
2026

Аль-Номадо

Остров / Аль-Номадо — «Автор», 2026

Остров существует уже двадцать лет. Сюда отправляют тех, кому не нашлось места в привычном мире. Здесь нет прежних правил, привычных гарантий и возможности просто вернуться к старой жизни.Фрэдди оказывается на Острове, рассчитывая начать всё заново. Но довольно быстро выясняется, что свобода обходится дорого, а построить нормальную жизнь гораздо сложнее, чем кажется.У каждого здесь свои представления о справедливости, ответственности и свободе. Кто-то пытается изменить окружающий мир, кто-то предпочитает жить по старым правилам, а кто-то просто извлекает выгоду из сложившегося порядка.«Остров» — социальная фантастика о людях, их выборе и последствиях, которые рано или поздно приходится принимать.

© Аль-Номадо, 2026
© Автор, 2026

Содержание

ОТ АВТОРА 5
ПРОЛОГ 6
ЧАСТЬ 1 — КАТЕР 8
ГЛАВА 1 8
ГЛАВА 2 13
ЧАСТЬ 2 — НОРМАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ 17
Конец ознакомительного фрагмента. 18

Аль-Номадо
Остров

ОТ АВТОРА

Будущее вариативно, и наши этические принципы, решения и действия определяют, в каком из них мы окажемся — это относится и к индивидуумам, и к группам, и к человечеству в целом.

«Остров» — один из вероятных сценариев будущего. Это не утопия и не пророчество, а сценарий, от которого нельзя просто отмахнуться как от фантастики.

Развитие искусственного интеллекта и исследования в области сильного искусственного интеллекта делают подобный сценарий вполне правдоподобным.

ПРОЛОГ

Он выехал со второстепенной на главную, не поглядев направо, что происходит на главной — так выезжает здесь каждый второй, часто это приводит к аварийным ситуациям и иногда к авариям. Молодой мотоциклист на главной вильнул, потом ударил по всем тормозам изо всех сил, пытаясь избежать столкновения. У Фрэдди было полсекунды, чтобы уйти в левую полосу. Вместо этого он остался в правой полосе, куда парень вильнул, спасаясь. Удар пришёлся в бок. Оба байка легли на асфальт. У парня — перелом предплечья и раздроблены три пальца правой руки, множество мелких ран и ссадин. Его увезли в больницу тем же вечером. Фрэдди отделался погнутой рамой, разбитым задним крылом и парой царапин.

*

Вечером Фрэдди рассказывал. Рассказывать он умел, и мать начала сочувствовать ещё до самого интересного места.

— Вылетает на меня, представляешь? Я даже не видел его. Приезжий, конечно. Опять приезжий.

— Опять? — спросила жена.

— Да. Берут байк на месяц и думают, что они здесь теперь короли. — Он потянулся за второй порцией рыбы. — Мне заднее крыло сломал, раму повело. Кто теперь заплатит? Он? Он в больнице.

Дочь оторвалась от телефона.

— А ему сильно?

— Пальцы там что-то, — сказал Фрэдди. — Но надо же смотреть на дорогу.

Он покачал головой, искренне удивляясь чужой беспечности. Мать подложила ему риса. Во дворе залаяла собака. Никто за столом не обратил внимания: собак здесь полчища, и к ним привыкли — и к бесконечному лаю, и к атакам, и к загаженным дворам и улицам, и к аварийным ситуациям, которые они создают.

*

За ним пришли не через день и не через неделю. К тому моменту его байк уже был отремонтирован, а история про сумасшедшего приезжего — рассказана раза три, каждый раз чуть более уверенно, чем в прошлый.

Ему объяснили подробно: что именно, кому и почему. Не про этот вечер отдельно — про всё сразу, по порядку, с датами. Дорога: подрезал, ездил на красный свет, по встречке, выезжал на главную не глядя, разворачивался через две сплошные прямо во встречный поток — систематически. На кассе: уже оплатив, начинал что-то докупать, копался с оплатой по 5 минут, пафосно ждал, когда кассир сложит его покупки в сумку, вместо того чтобы сложить самостоятельно и освободить кассу, наплевав на то, что его ждет человек пять. Интернет в гесте: по рекламе «100 Мбит», на самом деле 100 Мбит на десять апартаментов и ответ «проведите себе сами» тем, кого не устраивает загрузка страниц по пять минут и только один раз из пяти — успешно. Условия жизни для жильцов: каменные матрацы – ломайте спину, я *** что заменю; постоянная грязь в комнате с аутдор-кухни, там же постоянно текущий прямо под дверь кондиционер; постоянно ломающаяся самая дешевая лейка в душе; кое-как работающие замки на дверях. Собаки жильцов: лают с утра до ночи, и ночью тоже; атакуют жильцов, курьеров, гостей; везде кучи собачьего говна; то и дело собака кидается через дорогу или дорога перегорожена срущей на ней собакой, иногда в слепом повороте. И это столкновение — последним пунктом, но не главным: не потому, что он оказался там, где оказался, а потому, что всю жизнь он методично делал всё, чтобы там оказаться.

— Он в меня влетел, — сказал Фрэдди. — Сумасшедший приезжий. Надо смотреть на дорогу.

Ему не стали возражать по существу. Просто ещё раз, ровным голосом, повторили: важно не кто в кого влетел, а кто создал ситуацию, в которой столкновение стало неизбежным. Фрэдди слушал, кивал, не соглашался ни на секунду. Он знал настоящую причину и не собирался принимать их аргументы.

*

Жене, дочери и матери сообщили отдельно, в тот же день. Адвоката им не предложили, и никто не спросил, нужен ли он: система прекрасно знала, кто и что сделал.

Фрэдди собрал вещи за один день. На причал он приехал ещё с надеждой, что это какая-то бюрократическая ошибка, которая быстро решится, если правильно объяснить, что произошло на самом деле. По пути он успел придумать формулировку получше — ту, что использует потом ещё не раз.

Он не собирался меняться. Он собирался сыграть — и вернуться.

*

В какой-то момент человечество просто устало платить налоги на чужую исключительность. Общество социально ориентированных людей внезапно осознало, сколько колоссальных, невозвратных ресурсов — нервов, времени, денег, а иногда и жизней — уходит на постоянное обслуживание антисоциальных персонажей. Тех самых, которые цинично, агрессивно и системно игнорируют любые общие интересы и интересы отдельно взятых людей, имеющих несчастье с ними столкнуться в жизни.

Тогда и появился Механизм.

У него не было задачи карать, воспитывать или очищать мир. Механизм работал как безупречный логистический сортировщик. Он просто изымал антисоциальный элемент из социума и перемещал его в среду, состоящую исключительно из точно таких же людей. Механизм давал им абсолютную, долгожданную свободу от «общественного договора», позволяя жить так, как им вздумается, — и просто закрывал дверь снаружи. Без надзирателей, конвоя и колючей проволоки.

Система оставила возможность вернуться на Материк через «деятельную переоценку». Но возвращались единицы. Это лишь подтверждало фундаментальный закон Острова: чудесных преображений не бывает. Если взрослый человек — циничный мудак и клинический идиот, это неизлечимо.

Фрэдди Брант, впрочем, об этом механизме ещё ничего не знал. Он паковал чемодан, искренне уверенный, что произошла нелепая бюрократическая ошибка, которую он легко исправит, если просто всё правильно объяснит в нужном окошке.

ЧАСТЬ 1 — КАТЕР

ГЛАВА 1

Катер ткнулся бортом в старую резину на свае, и кто-то у рейлинга сказал «приехали» — не ему, просто вслух, автоматически.

Фрэдди поднялся вместе с остальными, держась за протёртый леер, и на секунду задержался у трапа: последняя пядь дерева, ещё пахнущая солярой материкового флота, а дальше — бетон, который пахнет уже по-другому.

Причал был длинный, серый, с трещинами, забитыми чем попало – асфальтом, кирпичной крошкой, галькой, мусором. Людей высаживалось человек тридцать — не только с его катера, ещё с двух, пришвартованных дальше. Разный возраст, разная степень шока: кто-то шёл, глядя себе под ноги, кто-то озирался, как будто надеялся увидеть встречающих. Молодая женщина держала сумку двумя руками перед собой, как щит. Пожилой мужчина в мятой рубашке спрашивал у всех подряд, где тут можно позвонить.

Надежда Фрэдди, что всё это окажется бюрократической ошибкой — недоразумением, которое решится, если объяснить как следует, — за неделю ожидания на Материке слегка потускнела, а тут, под этим солнцем, среди этого запаха, стухла окончательно, хотя вслух он бы этого не признал.

Жара стояла плотная, влажная, с примесью гнили и дизеля. Где-то за штабелями контейнеров, за проволочным забором, залаяла собака — один раз, потом ещё несколько раз подряд, громко и зло, как лают на врага или пробравшегося в дом вора. Затем залаяло ещё две собаки, так же, зло и громко. Никто из прибывших не обернулся. Звук просто лёг поверх остального шума — моторов, криков грузчиков, скрипа тросов — как будто был здесь всегда, ещё до того, как причалил первый катер.

У трапа, спиной к воде, стоял человек в форменной куртке материкового флота — единственный на причале, кто не выглядел потерянным. Он смотрел не на людей, а в планшет, отмечая что-то, и никому не отвечал, пока от толпы не отделился крупный мужчина с красным лицом и не заорал, что у него есть права, что это ошибка и что он требует адвоката.

— Адвокаты остались на Материке, — сказал человек в куртке, не поднимая глаз. — Катер уходит в одиннадцать. Трап убираем через пятнадцать минут. Дальше — без нас.

— Но я…

— Вам всё объяснили. Это записано.

Красный мужчина открыл рот, закрыл его и посмотрел на остальных, ожидая поддержки, которой не получил: люди смотрели в сторону. Каждый из них стоял сейчас с собственной версией, почему это ошибка, и каждый знал, что чужая версия ничего не изменит. Рядом тихо плакала женщина в очках, не вытирая лица, будто это не имело к ней отношения. Парень лет двадцати пяти с гитарой в чехле шёл вдоль борта и улыбался всем подряд — слишком широко, слишком долго, как улыбаются люди, которым страшнее всего остановиться. Мужчина с кошкой в пластиковой переноске нёс её перед собой двумя руками, и кошка молчала, прижавшись к решётке, и это было единственным на всём причале, что вызывало искреннее сочувствие.

Пожилой мужчина в мятой рубашке дошёл наконец и до Фрэдди.

— Простите, молодой человек, — сказал он. — Вы не знаете, где тут можно позвонить? У меня дочь, она ждёт сообщения. Я обещал, что сразу.

— Не знаю, — сказал Фрэдди, и это была правда. — Наверное, у ворот.

— Да, да, — закивал мужчина. — Конечно. У ворот. Спасибо.

Он пошёл дальше и спрашивал следующего, и ещё следующего, с одним и тем же вежливым упорством, как будто от повторения вопрос мог превратиться в ответ.

Фрэдди смотрел на них и чувствовал не жалость, а нечто среднее между раздражением и узнаванием: так смотрят на пассажиров рейса, который задерживают, зная, что сам летишь тем же. У него с собой была одна сумка, один костюм «на выход» и заготовленная формулировка, которую он собирался предъявить при первом же случае. Он не собирался плакать, орать или улыбаться. Он собирался разобраться.

Он поправил сумку на плече и пошёл к воротам вместе с толпой.

*

Очередь к воротам двигалась медленно, и это не было связано с количеством людей: просто человек в будке никуда не торопился. Он принимал каждого по очереди, смотрел на планшет, называл сумму, получал деньги и выдавал брошюру с видом человека, который делает это в тысячный раз и не собирается останавливаться. Впереди Фрэдди женщина в очках, та самая, что плакала, достала кошелёк и заплатила, не спрашивая, за что. Красный мужчина попытался спорить, и спорил недолго: ему назвали ту же сумму без изменений и добавили, что можно не платить, но тогда придётся искать жильё самому, без карты и без «рекомендованных услуг», и он заплатил тоже, ругаясь вполголоса на трёх языках сразу.

Ворота представляли собой шлагбаум, покрашенный когда-то в жёлто-чёрную полоску, а теперь просто в грязно-желтый цвет, и будку рядом, в которой сидел человек в майке-алкоголичке и с планшетом в пластиковом чехле.

— Добро пожаловать, — сказал он без выражения, на языке, который Фрэдди понял без всякого автопереводчика, потому что тон был интернациональный. — Регистрационный сбор и сбор за парковку.

— За какую парковку, — сказал Фрэдди. Не спросил — констатировал.

— За вашу, — сказал человек и качнул планшетом в сторону моря, где не было ничего, что можно было бы назвать парковкой. — Формальность. А вот ваш гайд.

Гайд оказался брошюрой — глянцевой, свежеотпечатанной, с картой квартала, списком «рекомендованных услуг» и телефоном. Фрэдди еще раньше просмотрел её через плечо человека, не беря в руки, и узнал жанр за две секунды: то же самое он сам вкладывал в приветственную папку своего геста, только там это называлось «путеводитель для гостей» и стоило гостям и нервов, и денег. Разводка была узнаваема на молекулярном уровне — он сам её постоянно использовал.

— Не надо, — сказал Фрэдди. — Я сам найду, где жить.

Человек пожал плечами с таким видом, будто слышал это далеко не в первый раз и знал, чем всё закончится. Рядом, у соседнего окошка, стоял другой мужчина — постарше, спокойный, наблюдал за очередью с той особой незаинтересованностью, с которой смотрят на процесс люди, которым в итоге всё равно принесут их долю. Когда Фрэдди сказал «Не надо», мужчина не изменился в лице, только чуть наклонил голову, как человек, который отметил что-то про себя и не собирается этого комментировать. Фрэдди скользнул по нему взглядом и не задержался — мало ли кто тут ещё стоит у окошка.

Он закинул сумку повыше и пошёл вдоль забора, мимо будки, туда, где начинался квартал.

*

Дорога сразу взяла его в оборот.

— Bike, mister? Bike?

Мопедист кинулся в разворот со встречной полосы и практически наехал на Фрэдди, не глуша двигатель, глядя с готовностью сорваться с места в любую секунду.

Где-то чуть дальше через дорогу отчаянно загудели — раз, другой, третий, будто без этого гудка мир не сдвинется с места. Фрэдди повернул голову на звук. Из окна притормозившей машины высунулся водитель и заорал через всю улицу:

— Taxi, mister, taxi?!

Фрэдди отвернулся, не ответив и не махнув рукой — не было смысла даже жестом показывать отказ.

Через каждые десять метров — новый гудок, новый голос, новый жест рукой в сторону мопеда или машины у обочины. Никто не настаивал долго: получив молчание, переключались на следующего прохожего, но через минуту Фрэдди окликал уже следующий.

Он узнал это мгновенно, как узнают запах собственной кухни — так встречают туристов у него дома, слово в слово, гудок в гудок. Разница была только в том, что теперь он шёл по эту сторону. И это оказывается жутко раздражает, когда тебя преследуют и дергают каждую минуту, мешая даже просто следить за дорогой, по которой ты идешь.

По пути — низкие постройки, где на живую нитку сращены жесть и брус, бороды проводов между столбами, магазинчик с одним работающим холодильником и вывеской сразу на местном языке, китайском и английском. Посреди дороги на слепом повороте спала собака — крупная, серая, растянувшаяся во всю полосу, с таким видом, будто это была её частная территория. Мопеды и машины объезжали её справа, вылезая на встречную полосу и создавая препятствия встречному потоку. Водители не гудели и не ругались: все давно знали, что собаку нужно объезжать. Женщина с коляской, шедшая навстречу, перешла на другую сторону, не глядя, и даже не ускорила шаг, потому что для неё это была обычная часть пейзажа, как лужа или столб. Фрэдди тоже обошёл, мысленно отметив: идиоты. И пошёл дальше, не задумываясь о том, что у него дома это выглядело бы в точности так же.

Пахло жжёным пластиком. Где-то справа, во дворе, мужчина жег помойку, подбрасывая ногой то, что выкатывалось, и дым стелился вдоль улицы низко, густо, как туман и жутко вонял. У лавки с одним работающим холодильником стояли три старика и смотрели на проходящих с равнодушным вниманием, которое умеет быть сразу и оценкой, и безразличием.

Фрэдди не разглядывал это специально. Он смотрел так, как смотрит человек, которому через час нужна крыша, а не турист — по верхам, оценивая, прикидывая цену.

Мопедотакси и голоса не отстали — просто становились реже, пока не превратились в редкие одиночные оклики.

В лавке с одним холодильником он хотел купить воды и протянул продавцу материковую купюру. Продавец взял её двумя пальцами, посмотрел на свет, на Фрэдди, снова на свет, и вернул, как возвращают билет не на тот рейс.

— Только местные, — сказал он.

— А где…

— Обменник. У ворот.

— Я там был.

— Значит, не там смотрел, — сказал продавец и показал подбородком в сторону, откуда Фрэдди пришёл.

Фрэдди вышел без воды. Идти обратно было глупо: время шло к вечеру, а жильё ещё не было найдено, и обменник казался такой же очередью, как всё остальное. «Потом», — решил он, ровно так, как всегда решал про вещи, которые обязательно придётся делать.

*

Жильё он нашёл к вечеру — студию на втором этаже в гесте у пожилой пары, сдававшей без лишних вопросов, за материковые деньги, которые хозяин принял охотно и по своему курсу — насколько по своему, Фрэдди сообразил только к вечеру. Хозяин отдал ключ, махнул рукой на дверь и сказал, что она «немного тугая». Дверь была тугая, и замок тоже: открывался и закрывался он без всякого понятного правила – просто нужно стоять и елозить им, пока не

сорвешь джек-пот и случайно попадешь ригелем в ответную планку. Матрац оказался каменным – ну какой идиот ставит матрацы максимальной жесткости в съемное жилье! В душе — дешёвая, но новая и хорошо выглядящая лейка.

С кондиционера над дверью на балкон капало — ровно, по капле в минуту, прямо на порог, где образовалась лужа, в которой плавала пыль и грязь с улицы, насекомые и охотящиеся на них полчища муравьев, а заходить на балкон можно было только бочком, чтобы не влезть в эту грязь ногами и не тащить её потом в квартиру. На балконе была оутдор-кухня, как с гордостью объяснил хозяин: плита и мойка под навесом, с всего одним микрошкафчиком, теснющая, зато ***** «на воздухе». Пыль и грязь с улицы постоянно попадали в квартиру через открытую дверь ещё раньше, чем он успевал поставить воду на газ. Жалюзи на балконе были опущены и «вид» из квартиры с огромными видовыми окнами «в пол» фактически был не на рисовое поле, а на эти жалюзи.

Он разложил вещи в шкафу и прикроватных полках, проверил розетки — все работали, — кинул телефон на зарядку и попытался написать жене. Сообщение не ушло. Он написал ещё раз, потом проверил связь, потом вышел на балкон и вернулся, потому что связи там не было тоже. Пока шла эта простая цепочка действий, он успел понять, что никакого «сообщения домой» отсюда не бывает: Остров отвечал за себя сам.

Ночью выяснилось остальное.

Собаки — сначала одна, за стеной, потом ещё две, дальше по улице — начали около семи и не собирались останавливаться. Лаяли на шаги, на мотоцикл, на тишину, друг на друга.

К полуночи где-то в соседнем квартале местные взялись за барабаны. Это была не музыка, а ритм — один и тот же, без начала и конца, с тарелками, гарканьем и криками в паузах. Посидеть на террасе и посмотреть ютюб не получилось – звук барабанов и лай глушили видео даже в 11 ночи.

Около девяти вернулся сосед, и бросил мопед поперёк и без того тесной парковки, заняв сразу два места, идея была простой: «Кто приедет следом – пусть двигает мой мопед, я принципиально встану поперек глотки. Ну или не двигает и идёт на**».

Интернет, который хозяева описали, как «быстрый», не работал: значок сети горел исправно, а страницы не открывались. Ютюб при этом работал, хоть и с тормозами и перерывами.

Фрэдди лежал на каменном матраце, слушал барабаны и собачий хор и думал — совершенно серьёзно, без единой мысли о том, что где-то на другом конце этого же самого механизма стоит его собственный гостевой дом, — что это никуда не годится, что люди здесь совершенно не умеют организовать элементарные вещи, и что он, конечно, разберётся с этим сам, потому что рассчитывать тут не на кого.

*

Примерно в это же время — в трёх кварталах от него, хотя ни один из них об этом никогда не узнает — Сэм ехал в магазин за бутылкой текилы и сигаретами.

Путь был меньше километра. За это время его подрезали, кажется, раз десять — нагло, впритирку, прямо под колеса, будто его и не было на дороге. Несколько раз пришлось бить по тормозам: кто-то не глядя вылетал со второстепенной на главную, кто-то включал поворотник ровно в момент поворота, будто сигнал не предупреждал, а просто фиксировал то, что уже произошло. Один персонаж ехал через всю дорогу по длинной пологой диагонали — без всякой видимой причины. Добравшись почти до противоположного края, он какое-то время просто ехал дальше вдоль него, пока выпершиеся на встречную мопедисты встречного потока не заставили его вильнуть обратно. Дважды Сэму пришлось уходить резко влево, потому что навстречу выезжали на его полосу и продолжали ехать как будто так и надо. Один раз это был фургон, обгонявший мотоциклиста по встречной, а следом, тем же манёвром, второй мото-

циклист обгонял уже сам фургон — третьим рядом, лоб в лоб по полосе Сэма, и без того уже прижавшегося к обочине почти вплотную.

Он доехал, купил своё, поехал обратно тем же путём, глядя на весь этот лютый дорожный трэшак и не веря своим глазам, что ездить так безумно это вообще возможно.

ГЛАВА 2

Утром Фрэдди не выспался и это чувствовалось во всём. Лейка в душе, не пережила первого же извлечения: пластиковый фиттинг хрустнул в руке, лейка осталась у него в ладони, а из шланга вялой струёй потекла вода. Он домылся, как под протекающей крышей, и подумал, что человек, который купил такую лейку, очевидно плевать на своих гостей.

Кофе пришлось варить на оутдор-кухне, и пока он ждал, когда закипит вода, обратил внимание на банду муравьев, растаскивающих на запчасти какого-то мотылька. На кружку село маленькое насекомое, которое он аккуратно извлёк ногтем. Ящерица на потолке наблюдала за ним без одобрения и без осуждения.

Хозяин нашёлся внизу, во дворе, на пластиковом стуле. Он ел лапшу из миски и смотрел в телефон.

— Лейка сломалась, — сказал Фрэдди. — И замок. И кондиционер течёт. Интернета нет вообще.

— Посмотрим, — сказал хозяин, не поднимая головы.

— Когда?

— Позже.

Он сказал это так, как говорят «до свидания», и вернулся к лапше. Фрэдди постоял ещё секунд пять, дожидаясь продолжения, и не дождался. Он знал это «позже». Он знал его так хорошо, что мог бы произнести сам, с той же интонацией, в том же ритме, и почти слышал в этом голосе собственное намерение. Ещё неделю назад он говорил это своим гостям, и сегодня ему впервые пришло в голову, что с этой стороны оно звучит по-другому, но мысль не успела оформиться и захватить мышление настолько, чтобы мышление стало её обдумывать.

На самом деле он думал о другом. Вчера он списал с таблички на воротах полезный номер, и наконец набрал его. Гудки шли долго, потом включился автоответчик на нескольких языках по очереди: «Вы позвонили в службу поддержки порта Риф. Ваш звонок очень важен для нас. Пожалуйста, оставайтесь на линии». Он остался. Сорок минут играла музыка — одна и та же мелодия, которая через десять минут перестала быть музыкой и стала причиной раздражения, — потом линия молча оборвалась. Он набрал ещё раз. На этот раз гудки были короткими: кто-то сбросил.

Он не расстроился. Он понял, что это тоже часть процедуры, и подумал, что такую схему можно было бы использовать и у него в гесте, и даже сам себе удивился: мысль пришла не от возмущения, а от профессионального интереса.

Формулировку для процедуры он репетировал по дороге на причал: «Я не отрицаю, что столкновение произошло. Но я не создавал ситуацию — на главной было превышение скорости, и пострадавшей стороной в первую очередь являюсь я…» Он повторял её в душе, перед зеркалом над раковиной, где в углу сколом треснуло стекло, и каждый раз она звучала всё убедительнее. Ему сказали, что есть способ вернуться — «деятельная переоценка своих действий». Фрэдди понял это просто: найти, кому предъявить хорошо отрепетированную формулировку. Он был уверен, что в любой системе есть окошко.

Он вышел из студии, и у выезда со двора, прямо перед воротами, стоял мопед.

*

Мопед был старым, красным, без боковых зеркал и с дырой в сидении, через которую виднелся поролон. Он стоял поперёк узкой дорожки, ведущей от ворот к улице, так, что ни пройти, ни выехать — только обойти по грязи вдоль забора. Рядом, на корточках, сидел мужчина лет пятидесяти с голым пузом, жевал что-то и смотрел в телефон.

— Вы не могли бы переставить? — вежливо сказал Фрэдди. — Я не могу пройти.

— Я сейчас никуда не еду.

— Но я не могу…

— Обойди, вот же – и указал на уже несколько утоптанную грязь у забора.

— Я иду. Тут… вот. — Он показал на грязь, в которой стоял его ботинок.

— Это ваш мопед.

— Мой.

— Переставьте, пожалуйста.

Мужчина поднял голову и посмотрел на Фрэдди внимательно, впервые за весь разговор: без злости, с любопытством, с каким смотрят на новую вещь на полке.

— Ты новый, — сказал он. — Да?

— Я только что приехал.

— Новый. — Он кивнул, удовлетворённо, как будто это объясняло всё. — Потерпишь. Здесь все терпят. Я Рамон.

— Фрэдди.

— Фрэдди-новый. Хорошо. Я переставлю, когда поем.

Он вернулся к телефону, и Фрэдди постоял ещё немного, не понимая, что именно сейчас произошло: его не обругали, не оскорбили, не прогнали, просто молча послали. Он обошёл мопед по грязи, испачкав левый ботинок, и пошёл на улицу, и всё время, пока шёл, пытался понять, почему, даже если человек очевидно создает проблему, он не желает её решить, даже когда это так не сложно. Просто перекладывает свою проблему на других и считает, что это его естественное право, которое нужно защищать.

*

Первая квартира, которую он посмотрел, была над мастерской, где ремонтировали скутеры. Хозяин показал ему две комнаты, кухню и балкон, а во дворе внизу бегали четыре собаки, одна крупнее другой, и все четыре лаяли на скутер, на Фрэдди и на облако.

— Они не кусаются, — сказал хозяин. — Они просто эмоциональные.

— А как входят ваши жильцы?

— Через другой вход. Через двор не надо.

Вторая квартира оказалась лучше. Чистая, с кондиционером, который не капал, с замком, который закрывался с первого раза. Хозяйка, аккуратная женщина лет сорока, сказала, что берёт за шесть месяцев вперёд, и достала из папки брошюру: глянцевую, с картой квартала, списком рекомендованных услуг и жирной строкой посередине — «Быстрый интернет 100 Мбит».

— На здание, — сказала она, увидев его взгляд. — Внизу мелким шрифтом.

Фрэдди кивнул, вернул брошюру и вышел, не торгуясь. Он узнал бы эту фразу даже во сне.

Третью квартиру он вообще не увидел: договорился о времени встречи, пришел, прождал хозяйку, но та так и не явилась. Сосед сказал, что та «вот-вот будет», и Фрэдди сел на ступеньку и стал ждать. Через 15 минут он спросил у соседа, что означает «вот-вот», и сосед ответил, что на Острове «вот-вот» означает «вот-вот» и ничего другое. Рядом с квартирой была школа – огромная территория, обнесенная массивным высоким забором из темно-графитового камня. В кафешке на первом этаже сидели школьники, ели какие-то снеки и заливались смехом. Фрэдди ушёл через 30 минут.

Четвёртая квартира была «почти готова»: в комнатах не было штукатурки, на полу спала бригада, а хозяин с гордостью показывал на проводку, торчавшую из стены красивыми разноцветными пучками. «Через неделю всё закончим», — сказал он. «Через неделю» на Острове, судя по всему, означало то же самое, что «вот-вот», только «через неделю».

Так выяснилось, что везде примерно одно и то же. Не плохо и не хорошо — одинаково, как бывает, когда все делают по одному шаблону и никто не помнит, кто его придумал. К

вечеру он вернулся в студию, где всё осталось на месте: каменный матрац, сломанная лейка в углу душа, лужа под кондиционером, а от мотылька не осталось даже крыльев.

*

В забегаловке у перекрёстка, в которой столики стояли прямо на тротуаре, а еду готовили на двух огромных сковородах, за одним из них сидели знакомые лица. Красный мужчина с катера, женщина в очках и парень с гитарой — те самые, кого он видел на причале. Они кивнули ему, и он, поколебавшись, присел.

Говорили не сразу. Сначала просто ели, глядя в тарелки и на улицу, на проезжающие мимо машины, мопеды и мотоциклы, на собаку, которая легла под соседним столиком. Потом красный мужчина, которого звали Виктор, сказал, что его отправили за шум.

— Вот честное слово, — сказал он. — Строил дом. Ну да, перфоратор, ну да, бетономешалка. Но в рабочее время! А соседи — писать, писать… Я им говорю: у вас уши, что ли, слабые? Это же стройка! Купите беруши, все аптеки закрылись навсегда что ли?

— И сколько раз писали? — спросил парень с гитарой.

— Сорок один. Ну, может быть я и утром и ночью иногда строил. А что, все останавливать, если там дел на пару часов осталось?

— А у вас что? — спросил Фрэдди.

— Я хотела помочь, — сказала женщина в очках, и очки при этом торжественно блеснули. — Просто помочь людям. А получилось, что… Я не хочу об этом.

Парень с гитарой, которого звали Тео, засмеялся так широко, что на них оглянулись.

— А меня вообще подставили, — сказал он. — Я ничего не делал. Ну, почти. Они всё перепутали, и теперь…

Он не договорил: улыбка у него осталась, а голос кончился.

— А вы? — спросил Виктор, повернувшись к Фрэдди.

— В меня влетел парень, — сказал Фрэдди. — На главной. Я нормально выехал, а он не успел затормозить.

— А, — сказал Виктор с неподдельным сочувствием. — Ну это же обычное дело. На дорогах такое сплошь и рядом.

— Вот именно, — сказал Фрэдди.

Все кивнули. Никто никому не поверил, и никто этого не сказал: за столом сидели четыре человека с четырьмя версиями, и у каждого была одна и та же уверенность — что его-то случай особый. Собака под соседним столиком вздохнула во сне и вытянула лапы.

Когда они расходились, Виктор громко сказал, что надо бы «как-нибудь повторить», и это звучало как приглашение в другую жизнь, в которой у них всё нормально. Тео снова улыбнулся. Женщина в очках, имя которой так и осталось ненужным, кивнула и ушла первой, не оглядываясь.

*

Вечером он сидел на балконе, прижавшись спиной к двери, чтобы не наступить в лужу, и смотрел на улицу. По ней шли люди: туда и обратно, с пакетами, с ведрами, с детьми. Мимо проехал мопед Рамона — красный, с дырой в сидении, и Рамон, не глядя по сторонам, вылетел на главную со второстепенной так, что на него загудели сразу трое. Он поднял руку без извинения, как поднимают руку, указывая – притормозите.

На другой стороне улицы с катера, видимо, дневного, шла женщина с большим рюкзаком и маленьким мальчиком, который тащил игрушечную собаку на верёвочке. Из-за забора на них вылетела собака — серая, лохматая и грязная, без породы, и залилась злым лаем, норовя уцепить за ногу, и женщина закричала. Хозяин вышел из ворот, почесал живот, посмотрел на всех сразу с оскорблённым видом и сказал что-то собаке, и она ушла внутрь, виляя хвостом. Женщина стояла, держа мальчика на руках, и Фрэдди видел, как она медленно понимает: это здесь норма и жаловаться некому.

Он смотрел на это спокойно, без злости, с той отстранённой ясностью, с которой смотрят на чужую беду, когда тебе самому ещё не очень плохо. Что бы он ни думал о людях здесь, он не думал о себе. Он не думал о том, что где-то на другом конце света кто-то так же смотрел с балкона на его собственную собаку, кидающуюся на прохожих и потом полночи лающую на все подряд.

*

Фрэдди уснул ближе к часу ночи, так и не додумав мысль до конца — не потому что она была неудобной, а потому что она была слишком очевидной, чтобы её додумывать.

Он приехал сюда играть, а не меняться. Нужно было понять правила — не для того, чтобы им соответствовать, а для того, чтобы пройти их как тест, получить нужную отметку и уехать домой. Собаки, барабаны, сосед, замок, душ, грязища под дверью — это всё было для него не системой, в которой он теперь жил, а неудобством, которое нужно перетерпеть, пока идёт процедура.

Он не знал, сколько раз ему ещё предстоит подумать именно так, прежде чем однажды он поймает себя на ровно противоположной мысли.

Но это будет через несколько лет. А пока он просто хотел, чтобы собаки замолчали.

ЧАСТЬ 2 — НОРМАЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

Деньги кончились на четвёртый день, хотя формально ещё лежали в кармане. Материковые купюры на Острове принимал только обменник у ворот, и обменник об этом знал.

Обменник занимал будку напротив той, где выдавали брошюры: окошко, решётка, калькулятор и мужчина, который называл курс, не поднимая головы. Курс оказался примерно на треть хуже того, на что рассчитывал Фрэдди, а спорить было не с кем — с решёткой не спорят. Он поменял половину суммы. Остальное оставил «на потом», потому что на Материке «потом» всегда наступало, а как оно выглядит здесь, он обдумывать не стал.

— Тринадцать процентов, — сказал кто-то у него за плечом. — Это они ещё по-доброму.

Говоривший стоял слишком близко и улыбался слишком охотно, но был единственным человеком в очереди в чистых ботинках: невысокий, плотный, в хорошей рубашке, с аккуратной щетиной и автопереводчиком в ухе — голос из переводчика звучал бодрее, чем выглядел его хозяин.

— Генни, — представился он. — Я знаю человека на другой стороне порта, у него курс лучше. Могу свести. Десять процентов с разницы.

— Я сам.

— Конечно, сам, — согласился Генни и нисколько не обиделся. — Сходи. Он тебя не знает, ему всё равно. Я тут рядом, если что.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.